

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

IX.

(«Русская Мысль» — апрѣль).

Беллетристика нашихъ «толстыхъ» журналовъ представляетъ свои періоды отдыха; не мудствуя лукаво надъ серьезными и общечеловѣческими сторонами жизни, наши литераторы охотно предаются праздному время-препровождению, разбѣниваясь на мелкую монету отрывочныхъ новеллъ и повѣстукъ. Техническая ловкость формы прикрываетъ собою отсутствие мысли и содержания въ такого рода разсказахъ, мимолетное значеніе которыхъ состоитъ лишь въ доставленіи веселой минуты писателю и читателю. Весна особенно благоприятствуетъ появленію подобнаго беллетристическаго пустошества; на страницахъ ежемѣсячныхъ изданій онѣ играютъ роль водевилей, исполненныхъ на сценѣ ради разнообразія до или послѣ серьезнаго драматическаго произведенія. Изобиліе такого легковѣснаго элемента въ текущей журналистикѣ ведетъ къ значительному сокращенію задачъ журнальнаго обозрѣвателя. Обѣдняя изъ образцовъ этого рода литературы мы имѣли уже случай упомянуть по поводу февральской книжки «Русской Мысли» («Корова» г. Гославскаго); послѣдующіе номера дали намъ окончаніе другого разсказа чисто анекдотическаго свойства, растянутаго г. Саломѣемъ на двѣ книжки, (февраль — мартъ) подъ заглавіемъ «Пенсіонеры». Къ той-же категоріи принадлежитъ и «Бабыѣ лѣтѣ» г. Шапорова. Всѣмъ этимъ подаемъ доужей фантазіи нашихъ литераторовъ общее мастерство формы: видно, авторы ужь очень наловчились въ наблюденіи пикантныхъ случаевъ изъ жизни довелася и влюбленныхъ барынь. Забавляясь процессомъ точнаго фотографирования «съ натуры», они иллюстрируютъ свои анекдоты истыми ресурсами писательской техники. Пикантность анекдота № 1 состоитъ въ томъ, что нѣкій укандый денежный тулъ, оцарапанъ своей любовницей, Людмилой Петровной, которая, проехавъ, казется, изъ торинскихъ, становится германской, благодаря подставному мужу изъ разряда пенсіонированныхъ «превосходительствъ». Бракъ этотъ устроенъ за пріятное вознагражденіе самимъ же — удивительной свадбеной даушки, но когда извѣстная выгода и хуцпа на почвѣ пренебреженія многообразной изъ германскихъ подиствъ, въ одностороннюю проница, она измѣняетъ веселой похотию, что разика поди поре-

мѣнить единкомъ тѣсныя ботинки. Только ее и видали, такъ какъ вскорѣ оказывалось, что Людмила Петровна съѣла на пароходѣ и отправилась къ компаніи со странствующимъ баритономъ искать артистическихъ лагровъ по приволажскимъ городамъ. Въ анекдотѣ № 2 («Бабыѣ лѣтѣ») дѣло одурченія происходитъ въ обратномъ порядкѣ: 36-лѣтняя Антошина Михайловна, бросившая мужа послѣ 18-ти лѣтъ брачнаго союза, пользуется своей свободой и празднуетъ «бабыѣ лѣтѣ» въ объѣздахъ довелася изъ военныхъ. Счастью пылкой барыни, повидимому, нѣтъ предѣловъ, оно можетъ быть увеличено лишь новой обстановкой, предоставляющей еще болѣе удобствъ для амурныхъ отношеній героевъ. Антошина Михайловна предлагаетъ поѣздку за границу и снабжаетъ довеласа приличнымъ кушемъ, quasi — заняообразно. Въ виду необходимости бросить службу, чтобы слѣдовать за ней, довелася прятать деньги въ карманъ и... отказывается отъ поѣздки: онѣ считаютъ для себя болѣе выгоднымъ остаться на мѣстѣ и обирать новыхъ любительницъ «бабыѣ лѣтѣ». Сюжетъ обоихъ анекдотовъ, въ которыхъ мѣшаются только лишь, составляетъ любовь, какъ предлогъ для денежной спекуляціи, практикуемой особами обоего пола. Стоило-ли огорчать городить для вѣрнаго подтвержденія факта столь-же пошлаго, какъ и общепризнаннаго и весьма затасканнаго въ громадной литературѣ о продажныхъ амурахъ.

Въ 4-й (апрѣльской) книжкѣ «Русской Мысли» закончилась интересная историческая монографія объ отношеніи Іудей къ цезарскому Риму («Іудея и Римъ»), изложенная г. Ремезовымъ по Ренану. Тамъ читатели найдутъ яркіе примѣры того постепеннаго изувѣрства, до какого народъ, самъ по себѣ далеко не воинственный, можетъ дойти подъ вліяніемъ сектантскаго фанатизма. Раздѣленные на мелкія богословскія партіи, обитатели маленькаго Іудейныя между собою изъ-за Іерусалимскаго храма и были самымъ безпокойнымъ и неуживчивымъ народомъ въ мірѣ. На родинѣ они то и дѣло устраивали междоусобицу рѣзню; сосѣди ихъ терпѣли въ свою очередь должное хладнокровіе и прибѣгали къ періодическимъ репрессіямъ къ формѣ массовыхъ избиеній евреевъ. Такая судьба предшествовала въ Сиріи окончательному разгрому Іудей. Долготерпѣливъ Рима стало истоматься въ послѣдніе годы управленія Нерона, столетнее притѣсненіе привело къ катастрофѣ 70 г. (разрушеніе Іерусалима). Эта борьба была без-

Киевлянин.

1896. 28 мая. № 145.

С. 2.

сперно одною из самых крокодиловых, как только существуют на страницах истории. Евреи исчезли под мечом своих внутренних и внешних врагов в неистощимом количестве. Желто оказалось слишком медленным орудием истребления массы защитников древнего Сиона: победители призвали на помощь огонь, пожравший толпу теснившегося в галереях храма населения. Сравнительно меньшинство евреев, уцелевших после катастрофы, составляло две группы: люди низшего класса были распроданы в рабство по ничтожной цене; лица знатного происхождения были тщательно рассортированы по физическим качествам и распределены по главным городам империи для кровавых зрелищ в цирках. Виновики иерусалимского погрома — император Тит, охотно восхваляемый историками за добродетель и милосердие, был в сущности врагом христианства. Если этот правитель и не пошел по следам Нерона в деле фактического преследования христиан, то это объясняется, быть может, лишь кратковременностью его управления. Приступая к разрушению храма Иеговы, он стремился к уничтожению двух, одинаково преданных, по его мнению, религий: иудейской и христианской. Историческое предание приписывает ему следующие слова: «Эти два суеверия, хотя и враждебны друг другу, имеют одно начало: христиане произошли от иудеев; будет вырван корень — побег быстро пропадет». Тит проявил тут плохое знание сущности вещей: он проглядел то, что открылось в то время уже открыт и живет собственной жизнью. Он бессознательно оказал громадную услугу христианству. Разорение священного места иудейства придало христианству надлежащую степень независимости, освободив его от ветхозаветных традиций и вкрований. «Раз исчез с лица земли древний храм иудейский, христиане перестали думать о нем. Все помыслы и упования их сосредоточились на едином Христе-Спасителе». Таковы заключительные слова рассматриваемого исторического этюда, в котором достойны внимания еще следующие о существовании партии приверженцев пернического режима. Ничего не трудно представить себе, чтобы подобное управление могло рассчитывать на популярность, однако приходится вернуться к сему эскизу, к виду следующего характерного указания автора: «Взгляните Нерона, хотя это уже в прошлом, он казался еще очень сильным, и боясь о том, что он не удержит (пр-

жившаяся впереди очень долго и подавшая повод к появлению самозванцев) не совсем была лишена смысла в качестве метафоры. Его партия пережила его и не утратила значения. Отныне, а за ним Вителлий громко и открыто заявляли себя его почитателями и усердными последователями. Вителлий устраивал ему великолепные похороны, приказал исполнять его музыкальные произведения и, при первых звуках, поднимался с места, выражая этим свой восторг и подавая знак к аплодисментам». Подробное изучение исторических событий отдаленного прошлого является отличным целебным средством против недуга неумеренного пессимизма, сомневающегося в действительности роста идей гуманности и человеколюбия, развивающихся по мере всеобщего прогресса культуры. Во время осады Иерусалима, римляне, распинали ежедневно по 500 военнопленных, в видах устрашения осажденных. Подобные факты не мыслимы ныне не только в войнах между европейскими народами, но и в Абиссинии. А два тысячелетия тому назад они практиковались в войсках наиболее цивилизованного государства, составляющего классическую родину самой совершенной теории юридических отношений между гражданами.

Беллетристический отдел апрельской книги «Русской Мысли» представляет сатиры, рассказы, не считая продолжений двух неоконченных романов. Как эти романы, так и цельные повести распадаются поровну на оригинальные и переводные (с французского). В группе последних мы находим тоже некоторый контраст: вторая из новелл, помещается под рубрикой «Мелочи иностранной литературы». («В дебрях Кюмо» — Рони) настолько же оригинальна по содержанию, насколько первая («Шпилька» из Мопассана) — банальна на чисто французский лад. Рассказ Мопассана — одна из бесчисленных вариаций на тему о чувственной любви к женщине, главная прелесть которой состоит, по словам героя, в том, что она «больше сама, чем кто-либо». Любови этой самки обходится герою ровно в миллион франков в год, ее хватило потому только на 3 года. После такого срока герой отправился наживать еще троицею новых миллионов для «самки». Оставив его там в сладких мечтах о миллионах для новой самки и вернувшись в Африку, куда звать нас другой французский беллетрист — Рони. Он изображал похождения натуралиста Мале, заправившего из любви к

Киевлянин.

1896. 28 мая. № 145.

С. 2.

науки в дебри первобытного леса для изучения правых гориллы. В этих обезьянах Малые усматривают «человека третичного периода», заводят с ними знакомство и поступают на время в члены общества «лесьных людей». Утопия на дарвиновской подкладке скрашивается у автора тенденцией прославления фанатического культа науки.

Эпизодический рассказ А. Чехова «Домъ съ мезониномъ» придуманъ, повидимому, ради возможности вложить в уста героя несколько новых соображений о модных вопросах. Полемизируя съ одной барышней-филантропкой, посвятившей свою жизнь усиленной помощи крестьянскому населению, герой критикует всю ее деятельность: онъ находитъ, что не нужны на-пароду аптеки, больницы, школы и т. д. Такова отрицательная сторона учения художника, отъ имени которого г. Чеховъ ведет свой рассказ, положительная же его теория состоитъ въ слѣдующемъ: «Нужно освободить людей отъ тяжкаго физическаго труда». — «Освободить отъ труда», умышленулась Лидя: «развѣ это возможно?» — «Да. Возьмите на себя долю нухъ труда. Если бы всѣ мы, городскіе и деревенскіе жители, всѣ безъ исключенія, согласились подѣлать между собою трудъ, который затрачивается вообще человечествомъ на удовлетвореніе физическихъ потребностей, то на каждого изъ насъ, быть можетъ, пришлось-бы не болѣе двухъ-трехъ часовъ въ день. Представьте, что всѣ мы, богатые и бѣдные, работаемъ только три часа въ день, а остальное время у насъ свободно. Представьте еще, что мы, чтобы еще менѣе зависѣть отъ своего тѣла и еще менѣе трудиться, изобрѣтаемъ машины, замѣняющія трудъ, мы стараемся сократить наши потребности до минимума. Мы закаляемъ себя, нашихъ дѣтей, чтобы они не боялись голода, холода и мы не думаемъ бы постоянно за ихъ здоровье, какъ дрожать теперь Анна, Мавра, Педагогъ... Представьте, что мы не дѣлимся, не держимъ аптекъ, табачныхъ фабрикъ, винокуренныхъ заводовъ — сколько свободного времени остается у насъ въ концѣ концовъ! — Всѣ вообще отдають этотъ досугъ наукамъ и искусствамъ... До сихъ поръ мы видимъ въ этой проповѣди г. Чехова варианты ученія гр. Толстого, съ перенесеніемъ его центра тяжести въ область утѣшеннаго труда: никто не въ правѣ уклоняться отъ бременя физическаго труда — съ этимъ согласенъ авторъ Анна Карениной и герой разсказываемой новеллы. Но первый удѣ-

лясть духовной деятельности тѣ же три часа, которые не только что выписанной цитатѣ принадлежатъ труду физическому, имѣющему въ глазахъ героя г. Чехова значеніе неизбежнаго зла, источника всѣхъ нашихъ бѣдъ, въ то время какъ гр. Толстой приписываетъ ему также нравственное значеніе. Въ этой точкѣ пересѣченія расходятся обьсуждаемые теоріи: герой г. Чехова произноситъ далѣе горячій манифестъ чистой науки, отрицая науку практическую, прикладную: «Медицина была нужна только для изученія болѣзней, какъ явленіи природы, а не для лѣченія ихъ. Если ужъ лѣчить, то не болѣзнь, а причины ихъ. Устраните главную причину — физическій трудъ и тогда не будетъ болѣзней. Не признаю науки, которая лѣчитъ. Науки и искусства, когда они настоящи, стремятся не къ временнымъ, не къ частнымъ цѣлямъ, а къ вѣчному и общему — они ищутъ правды и смысла жизни, ищутъ Бога, душу, а когда ихъ притягиваютъ къ нуждамъ и злобамъ дня, къ аптечкамъ и библиотечкамъ, то они только осаживаютъ и загромождаютъ жизнь. У насъ много медиковъ, фармацевтовъ, юристовъ, стало много грамотныхъ, но совсѣмъ нѣтъ биологовъ, математиковъ, философовъ, поэтовъ». И еще много фразъ въ такомъ родѣ произноситъ герой г. Чехова, рисуясь «новизною» своей теоріи передъ двушкой, которая, въ свою очередь, не уступаетъ автору и вышла, вѣроятно, противъ его воли, довольно ограниченной и антипатичной представительницей женщины-альтруистки. Она держитъ подъ ферулой св. его мнѣнію превосходства всю свою семью, т. е. мать и младшую сестру. Къ своему оппоненту она питаетъ презрѣніе и злобу. На его возраженія у нея нѣтъ другого отвѣта, кромѣ стереотипной фразы: «нужно же что-нибудь дѣлать». Произвируя надъ его картинками, которая являются въ ее глазахъ синонимомъ празднаго времяпрепровожденія, она пропускаетъ мимо ушей аргументъ художника, замѣтившаго, однажды, что лѣчить болѣзней, не зная медицины — значитъ обманывать. Филантропія сей барышни основана на упрямствѣ и на личныхъ влуксахъ: горе тому, кто не раздѣляетъ этихъ влуксовъ. Сестра Лиды имѣла небосторожность почувствовать расположеніе къ художнику, не признающему важнаго значенія ей аптечекъ и библиотечекъ, она тотчасъ же воспользовалась своимъ авторитетомъ въ домѣ, велѣла матери увести сестру въ другое новѣстие и устроила полный разрывъ между женихомъ и невестой. **Вѣра.**